

Хроники Кайрос

Цена Одного Процента

Виталий Минайлов

Виталий Минайлов

**Хроники Кайрос.
Цена одного процента**

«Автор»

2026

Минайлов В.

Хроники Кайрос. Цена одного процента / В. Минайлов —
«Автор», 2026

Они не украли часы или минуты. Они украли сам момент. 2077 год. После «Великой Апатии» мир восстанавливается под властью «Кайроса». Цена нового дофамина — чистого и наполняющего — всего 1% восприятия времени. «Вы даже не заметите», — говорили они. И никто не заметил. Элиан Волков — архитектор, вшивавший интерфейс в миллиарды сознаний. Он верил, что спасает мир. Пока его лучший друг Макс не исчез: не отчуждение, не горе — чистая хирургическая пустота. Словно его стёрли из памяти. Элиан взламывает систему, которую сам создавал. Его засекают сразу. Единственный способ остановить запуск — выпустить вирус, который не разрушает систему, а учит её сомневаться в себе. Но чем ближе он к Морфеусу, основателю «Кайроса», тем яснее: этот человек не тиран. Он заложник. И правда о том, кто направляет цивилизацию, страшнее и страннее любого страха. Когда комфорт становится формой контроля, выбор остаётся только у тех, кто ещё способен чувствовать. Открой её. Верни себе мгновение.

Содержание

Глава 1. Цена одного процента	5
Глава 2. Иллюзия контроля	10
Глава 3. Последний причал	15
Глава 4. Часовой механизм души	18
Глава 5. Семена Сомнения	23
Глава 6. Возвращение Каина	26
Глава 7. Возвращение в клетку	29
Конец ознакомительного фрагмента.	35

Хроники Кайрос. Цена одного процента

Глава 1. Цена одного процента

«...я всегда искал ориентиры. В этом цифровом лесу у меня был лишь один компас — тихий голос древних книг, который твердил: смотри внимательнее...»

2077 год. Воздух наконец-то начал очищаться. Не от смога — от цифрового тумана, что десятилетиями витал над планетой, душил её тихой «Великой Апатией». Мы понемногу приходим в себя.

Я помню, как это началось: не с взрыва, а с шёпота. Телевизоры в каждой гостиной, потом компьютеры на каждом столе, потом смартфоны в каждой ладони. Мир сузился до размера экрана. Он стал удобным, быстрым, бесконечно милым — и абсолютно бессмысленным.

Мы ловили дешёвый дофамин, как рыбу в аквариуме, и не замечали, как сами превращаемся в рыбу, забывшую о существовании океана. Внимание рассеялось. Реальность расплылась. Прогресс замер у своих же дверей, захлестнутый волной тревожных расстройств и всеобщего выгорания.

Казалось, это конец. Но именно в крошечной тьме появляются те, кто несут свет. Гении. Провидцы. Корпорация «Кайрос». Они не просто предложили решение — они подарили нам спасение. «Нейросеть». Интерфейс, что обнял наш мозг, сшив разорванную ткань сознания в единое целое. Прямая связь. Чистота. Ясность.

Цена? Смешная. Всего один процент. Один процент моего времени, моего восприятия. Я его даже не заметил. И ведь правда — не заметил.

И действительно, в те обычные дни я бы и не заметил. Каждое утро начиналось одинаково идеально. В 6:30 я просыпался от нежного вибросигнала чипа — не резкого будильника, а плавного перехода из сна в бодрствование. Интерфейс мягко проецировал на сетчатку: «Доброе утро, Элиан. Уровень сна: 94%. Оптимизация настроения: +12%». Климат-контроль автоматически подстраивал температуру под мои предпочтения. «Идеально», — думал я, наблюдая за безупречным порядком за окном.

По дороге в офис я просматривал новости, которые Интерфейс отфильтровал специально для меня: «Уровень коллективной удовлетворённости: 87%», «Продуктивность в секторе финансов: +15%», «Количество тревожных расстройств: рекордный минимум». По пути я видел в соседних аэромобилях счастливых людей — они улыбались своими идеальными улыбками, глаза ясные, спокойные. «Ещё одни спасённые», — с удовлетворением отмечал я.

Вечером я включал «релаксационный режим». Интерфейс мягко стимулировал зоны мозга, отвечающие за отдых. Я смотрел на город — миллионы огней, каждый представлял человека, чья жизнь стала лучше благодаря «Кайросу». Интерфейс предлагал: «Воспоминание дня: момент удовлетворения от завершения проекта. Интенсивность: 85%. Желаете усилить?» Я отказывался, предпочитая настоящие эмоции, даже если они менее интенсивны. Это была моя маленькая слабость — то, что отличало меня от других.

Перед сном я брал с полки бумажную книгу — редкое издание по нейролингвистике. Пальцы чувствовали шершавость страниц. «Анахронизм», — улыбался я себе. Но именно в этот момент, глядя на старые схемы мозговых центров, я чувствовал лёгкий укол сомнения: «А не теряем ли мы что-то важное, убирая все „шероховатости“ из жизни?»

Мысль мгновенно растворялась в оптимизированном потоке сознания. Завтра будет новый идеальный день.

Но то утро оказалось другим.

Я машинально потрогал пальцем едва заметный шрам на виске — место вживления чипа. Иногда, в самые тихие моменты, мне чудилось, что я чувствую лёгкое, едва уловимое жжение

в этом месте, будто крошечный механизм безостановочно что-то сканирует и забирает. Но техдокументация отрицала любые физические ощущения. Значит, мне просто казалось.

Подойдя к панорамному окну, я упёрся взглядом в линию горизонта, где небо Нью-Йорка встречалось с Атлантикой. Вид с последнего этажа всегда заставлял дышать полной грудью. Этот пентхаус был не моим, конечно. Всё здесь, от встроенного барометра до воздуха, очищенного от городских примесей, принадлежало «Кайросу». Награда для ценного сотрудника. Я был здесь почти с самых истоков, нейролингвист, помогающий построить новый язык — язык «Нейросети» — в самую ткань человеческого сознания. Меня называли Архитектором. Не потому, что я строил здания. Я строил мосты между мозгом и машиной. Я был зодчим мыслей.

Я взял свой цифровой бинокль и начал наблюдать за жизнью внизу. С высоты город напоминал живой организм. Аэромобили, бесшумные и идеально синхронизированные, скользили по строго заданным воздушным коридорам, словно кровяные тельца по артериям и венам гигантского существа. А под ними, на уровне земли, копошились толпы людей — подобно неупорядоченному потоку плазмы, где будущее и прошлое человечества текло в неразделимом единстве. А уже внутри этого потока явственно проступали две разные формы жизни.

Первые — те, кто не нашёл спасения в нашем ИК - «Интерфейс Кайрос». Они сновали по улицам, уткнувшись в сияющие хрусталики своих нейро-смартфонов. Они были похожи на призраков — физически присутствуя, но ментально отсутствуя полностью. Их взгляд был пустым, походка — семенящей и неуверенной. Они не замечали друг друга, не замечали красоты неба, отражённого в стёклах небоскрёбов. Они существовали в гуле цифрового шума, и этот шум съел их душу.

Вторые — наши клиенты. Наши спасённые. При виде них у меня на душе становилось светло. Их взгляд был направлен вперёд, а не вниз. Они смотрели на мир — действительно видели его. Наш Интерфейс «Кайрос» давал им не просто доступ к сети. Он дарил им новый вид дофамина — чистый, ясный, не истощающий, а наполняющий. Я видел это по их прямым спинам, по осознанным движениям, по тому, как они иногда останавливались, чтобы вдохнуть воздух или посмотреть на пролетающую птицу. Они были спокойны. Собраны. Продуктивны.

«Пусть даже они идут к чужим целям, — подумал я, смотря в бинокль. — Но это лучше, чем быть живым трупом. Состояние — вот что главное. А их состояние теперь... идеально».

И в этот момент где-то глубоко внутри, в том самом месте, которое мой мозг, невосприимчивый к краже времени, всегда держал настороженным, шевельнулся крошечный, едва уловимый вопрос: «А не слишком ли оно идеально?»

И в тот миг мои глаза, сами того не желая, сфокусировались не на общем плане, а на одном из «счастливых» прохожих. И я увидел, как на долю секунды его идеальная улыбка дрогнула, сменившись пустым, почти животным страхом. Он споткнулся, будто наткнувшись на невидимую стену, и тут же снова выпрямился, будто ничего не было. Никто, кроме меня, этого, кажется, не заметил.

При всей моей роли революционера цифровых возможностей и страсти к новейшим разработкам, в душе я всегда тяготел к аутентичности. Основу моих знаний составляли книги, изданные полвека, а то и сто лет назад. Коллеги посмеивались над моей коллекцией «первобытных» бумажных фолиантов, но для меня они были не просто книгами — они были компасом в густом технологическом лесу. Труды об изменении сознания, медитации, силе мысли — для современного человека это звучало как полный бред. Для меня же это было сокровищем.

Возможно, именно постоянная практика медитации и концентрация на моменте «здесь и сейчас» выработали во мне ту самую глубокую осознанность, что делала меня невосприимчивым к тотальному погружению даже в мой любимый Интерфейс «Кайроса». Эта внутренняя опора позволяла мне сохранять трезвый, непредвзятый взгляд и заниматься нейролингвистикой на качественно ином уровне. Сегодня мой внутренний диалог не умолкал ни на секунду.

Именно мы, «Кайрос», покорили весь мир. А Морфеус, наш основатель и бессменный руководитель, стал самым богатым и влиятельным человеком на планете. Порой казалось, что без его ведома не происходит ни одно значимое событие — от смены президентов и канцлеров в ведущих державах до избрания нового шамана в забытой богом африканской деревушке.

Он явно ценил меня — я понимал это по тому, как он всегда обращался ко мне по имени и фамилии: «Элиан Волков». Для меня это было приятно и значимо, особенно на фоне тех обезличенных прозвищ, что он с лёгкостью раздавал другим и так же легко менял. Мне посчастливилось не только пожать ему руку — он часто приглашал меня в свою вашингтонскую штаб-квартиру, настоящую неприступную крепость. Ему был важен ход моих мыслей, все те идеи, что наша команда воплощала в жизнь.

Меня всегда завораживало, с какой гипнотической лёгкостью Морфеус собирал вокруг себя сильнейших и влиятельнейших людей планеты. Они смотрели на него не просто как на лидера — они благоговели перед ним, как перед божеством, готовые осыпать его всеми своими богатствами и ресурсами. Эта безграничная власть и делала его тем, кем он был — сильнейшим лидером, творцом новой истории человечества. И, признаться, мне было приятно осознавать, что какой-то Элиан Волков — да, я слегка прибедняюсь — может прикоснуться к этой славе и пользоваться расположением такого титана.

Я прикоснулся пальцем к виску, активировав отпечатком встроенный чип Интерфейса «Кайрос». Изображение, передававшееся прямо в мозг, стало ярче и контрастнее. Очки, которые я носил раньше, теперь не просто мешали — они казались грубым атавизмом. Зрение стало идеальным.

Я решил опробовать то, что лично меня завораживало больше всего. Я просто пожелал увидеть небо зелёным, а океан — золотым. И мир вокруг послушался. Разумеется, реальные физические объекты не изменились, но моё восприятие, фильтруемое ИК, нарисовало именно такую картину. И для этого не потребовалось ни малейшего усилия.

Более того, весь мир оказался у меня под контролем. Захотел узнать новости — и сводки сами возникли в поле зрения. Поленился читать — информация мягко просочилась прямо в сознание, и я уже был в курсе. Захотел позвонить другу — и его голограмма материализовалась передо мной с улыбкой (конечно, если он тоже был в Сети). Можно было часами зависать в почти реальных играх, и мозг безоговорочно верил в происходящее. Киноманы «попадали» внутрь фильмов, ощущая запах духов, свежесть дождя и вкус несуществующей пиццы. Дофамин от таких возможностей зашкаливал.

И всё это — всего за один процент моего внимания. Стоило ли удивляться, что люди массово отказывались от «живого» мира с его искусственными хрустальными нейро-смартфонами, которые лишь отдаляли их от реальности, превращая в безжизненных зомби? Зачем это, если можно получить целую вселенную, подключаемую напрямую к органам чувств? Слушать любую музыку без наушников — ведь мелодия лилась прямым из Глобальной Сети в мозг. Разум быстро и покорно сдался на милость этому новому миру.

Но чем больше я восхищался гениальностью продукта, тем сильнее сжималось что-то в груди. Реальный мир — тот, что был подарен человечеству во всей своей естественной красоте и загадочности, — уходил на второй, нет, уже на третий план. Вместо того чтобы учиться видеть и восхищаться истинной жизнью, как наши предки, мы отворачивались от неё. Вместо того чтобы раскрывать возможности собственного мозга, мы предпочитали опьянять его всё более изощрёнными цифровыми суррогатами.

На помощь пришёл профессиональный нейролингвист во мне, по привычке ища оправдание: мы помогли миллионам снова почувствовать себя живыми. Хотя и в неживом мире. Может, мы и ошибаемся, но глобальная цифровизация началась задолго до нас.

Именно в этот день у меня случился первый разрыв.

Тревожные мысли атаковали с новой силой, настойчиво твердя: мы свернули не туда. Вернее, свернули уже давно, и меня об этом не спросили.

Я ощутил резкую, физическую утрату мысли. Мозг будто выключили, и я провалился в густой туман полного забвения. Несколько секунд я сидел в оцепенении, парализованный страхом и непониманием, судорожно пытаюсь вспомнить: где я? кто я? зачем я здесь?

Придя в себя, я постарался убедить себя, что просто сильно устал. Вряд ли это проделки Интерфейса... Верно?

С уже подпортившимся настроением, озадаченный нескончаемым и тревожным потоком мыслей, я вышел на крышу пентхауса и занял место в кабине своего реактивного аэромобиля. Словно ястреб, взметнувшийся в небо, я рванул в сторону главного офиса «Кайроса». Пока я парил над величественным городом, меня не отпускало странное чувство: мой разум сегодня был перегружен до предела. Это был не привычный рабочий анализ, а сбивчивый, навязчивый внутренний диалог — будто подсознание пыталось прорваться сквозь барьер сознания с криком о помощи.

Желая отвлечься, я сделал крюк, направив машину не по прямой, а вдоль побережья, чтобы насладиться видом бушующего океана. Вскоре на горизонте выросли знакомые силуэты небоскрёбов Вашингтона. Аэромобиль, почти не издавая звука, плавно приземлился на мою личную площадку на вершине башни — циклопического сооружения из стекла и металла, целиком принадлежавшего корпорации.

Меня у входа встретил Джуниор — голографический искусственный интеллект, воплощённый в столь качественную голограмму, что с первого взгляда его было почти невозможно отличить от живого человека. Почти всегда он носил безупречный белый костюм и такую же белую шляпу. Этот темнокожий мужчина лет сорока пяти с ослепительно белой улыбкой появлялся мгновенно, чтобы поприветствовать любого, кто прибывал в башню.

— Доброе утро, Элиан. Как ваши дела? Не желаете ли, перед рабочим днём освежиться в бассейне или предпочитаете размять мышцы в тренажёрном зале? — произнёс Джуниор, его голос был идеально смоделированным баритоном, без единой фальшивой ноты.

— Привет, Джуниор. Сегодня я сразу приступлю к работе, но спасибо за заботу, — ответил я.

Этот небоскрёб был практически городом в городе. Помимо бесчисленных офисов, лабораторий и научных центров, здесь было всё: бассейны, спортзалы, рестораны и комнаты отдыха. Многие сотрудники годами не покидали пределов этого мега-сооружения. Я же предпочитал жить за его стенами, а благодаря своему быстрому аэромобилю мог в считанные минуты добираться до пентхауса и обратно.

Джуниор любезно сопроводил меня до личного кабинета на 104-м этаже нашего 140-этажного исполина. По пути он, как всегда, расспрашивал о моей жизни вне корпорации и настойчиво советовал поскорее найти спутницу жизни и обзавестись детьми.

— Ведь будь я живым человеком, как вы, я бы давно это сделал, — заметил он с нарочитой меланхолией.

Я поблагодарил его за совет и заботу и, наконец, вошёл в свой кабинет. Не успел я насладиться привычным, но оттого не менее чарующим видом из панорамных окон на облака, обволакивающие небоскрёбы Вашингтона, как дверь распахнулась без стука.

На пороге стояла доктор Арья Шарма. Я вздрогнул — без стука не заходил никто, а уж Арья — и подавно. Но больше меня поразило её выражение лица. Она была смертельно серьёзной и... встревоженной. Это было несвойственно её всегда бесстрастному и холодному облику.

— Ты Макса видел? Выходил с ним на связь через ИК? Или как-то ещё? — выпалила она, не здороваясь и не делая пауз.

— И тебе доброго утра! — попытался я перевести всё в шутку, чтобы скрыть нарастающую тревогу. — Как я понимаю, элита не стучит, перед тем как войти?

Но она смотрела сквозь меня, не слыша ничего, что не касалось её вопроса. Её разум был полностью захвачен одной мыслью.

— Не видел Макса и не контактировал с ним никаким способом... примерно месяц или два, — наконец выдавил я.

— Странно! — её голос дрогнул. — Он словно испарился. Не выходит на связь, не подключается к ИК. Его никто не видел. Вся надежда была на тебя, вы же хорошо общались.

Меня пробрала ледяная дрожь. Если «Кайрос» не может найти своего сотрудника — это значит, что его либо нет в живых, либо он намеренно скрывается так, что его не может найти самая продвинутая система в мире.

Но больше всего меня поразило другое. Для меня это время пролетело на одном дыхании. Я даже не вспомнил о Максе. Лишь сейчас, после слов Арьи, в памяти всплыло его лицо. Это было неестественно. Мы постоянно обсуждали рабочие моменты, рефлексировали. Я должен был вспомнить о нём сам.

А я не вспомнил. Словно кто-то аккуратно стёр его из моего сознания.

Глава 2. Иллюзия контроля

«Идеальная тюрьма — та, где человек не помнит, в какой момент согласился остаться.» — Старая книга, забытая в «Могильнике технологий»

«Они не отнимают свободу. Они убеждают тебя добровольно обменять её на комфорт. И ты благодарен за сделку, не зная итоговой цены.» — Из дневника Макса

Я не сразу заметил, как Арья, получив ответ, развернулась и молча вышла, оставив меня наедине с нарастающей тревогой. Её визит нарушил не только мой утренний ритуал, но и привычный порядок вещей. В «Кайросе» ничего не происходит просто так. А исчезновение человека — и подавно.

Чтобы вы поняли весь ужас ситуации, я должен объяснить, как устроена наша организация. Нас восемь миллионов по всему миру, но здесь, в этой башне, затеряться невозможно. Здесь царит иллюзия полной прозрачности, но на деле каждый наш шаг знают и видят. Особенно — сотрудники второй категории.

Вся корпорация разделена на пять чётких уровней, и от твоего уровня зависит всё — от доступа к информации до размера панорамных окон в твоём офисе.

Первая категория — Элита. Те, кто дышит одним воздухом с Морфеусом. Как доктор Арья Шарма. Их единицы. Они принимают решения в его отсутствие и знают такие вещи, от которых у простого сотрудника пойдёт кровь из ушей.

Вторая категория — Безопасность и Контроль. Внутренняя разведка, внешний шпионаж, кибербезопасность, физическая охрана. Их легионы. Почти половина всех сотрудников. Они — нервная система «Кайроса», его глаза и уши. И его сжатый кулак.

Третья категория — Интеллектуальное ядро. Учёные, программисты, нейролингвисты, врачи. Я и Макс были среди них. Мы — мозг корпорации. Мы генерируем идеи, которые меняют мир.

Четвёртая категория — Потенциал. Такие же учёные и специалисты, но ещё не доказавшие своей исключительности. Талантливые амбициозные ученики, жаждущие занять наши места.

Пятая категория — Фундамент. Ассистенты, секретари, технический персонал. Те, кто обеспечивает бесперебойную работу всего этого гигантского механизма.

Макс и я были не просто частью ядра. Мы были на особом счету. Нас называли «локомотивами». Его главной задачей была проверка ИК на уязвимости и сбои. Он был гением поиска ошибок. Его знания были уникальны.

И именно поэтому его исчезновение из-под самого носа у второй категории было не просто странным. Оно было невозможным. Либо он совершил нечто гениальное, чтобы исчезнуть... либо с ним случилось нечто ужасное, что «Кайрос» тщательно скрывает.

И то, и другое означало одно: иллюзия контроля, в которой я жил, начала трещать по швам.

Теперь я не мог думать о работе, хотя в планах на день было множество важных дел. Весь мой внутренний диалог свёлся к одной навязчивой мысли: «Нужно найти его. Срочно. Используя собственные ресурсы. Но для начала — выяснить у персонала. Может, люди из второй категории проверили не всех? Может, они что-то упустили?»

Я бросился на поиски тех, кто контактировал с Максом в последние дни — по работе или просто любил перекинуться парой фраз у кофемашины. Вместо того чтобы заниматься проектами, я носился на лифтах между этажами, пытаясь собрать крупинки информации.

И чем больше людей я видел, тем сильнее сжимался у меня внутри холодный комочек. Все они казались... другими. Слишком синхронизированными. Их реакции выглядели запрограммированными; улыбки были слишком широкими и одинаковыми, взгляд — немного беззаботным, движения — неестественно уверенными и плавными.

Я начал задаваться вопросом, который поверг меня в ледяной ужас: «Это началось сейчас? Или так было давно, а я почему-то лишь сейчас это заметил?»

Вымотанный больше, чем после целого дня сложнейшей работы, я с удивлением увидел, что уже время ланча. Желудок напомнил о себе резким чувством голода.

В кафетерии царила знакомая картина. Все ели одинаковую пищу — синтезированный протеин с «вкусом домашней кухни». Разговоры были лёгкими и поверхностными, улыбки — синхронными. Меня это уже не удивляло — после нескольких часов наблюдений за поменявшимися людьми.

И тут один из нейролингвистов, Ричард, резко замолчал на полуслове. Его глаза на мгновение закатились, стали стеклянными и пустыми, а затем он так же резко продолжил фразу, будто ничего не произошло.

— Ричард, ты в порядке? — не удержался я.

— Конечно, Элиан, — он повернулся ко мне с той самой неестественно широкой улыбкой. — Просто... небольшое обновление протокола. Ничего страшного».

Через час я снова увидел Ричарда в коридоре. Он шёл, уткнувшись в нейро-планшет, и на полном ходу врезался в стену. Он даже не изменился в лице, просто отшатнулся и пошёл дальше, как робот, обошедший неожиданное препятствие. Ни боли, ни смущения, ни досады. Я замер, осознав, что стал свидетелем не «обновления», а отключения чего-то очень важного внутри него.

Я наблюдал за всеми ними с жгучим любопытством и растущим страхом. «Почему я это вижу? Почему для них это норма?»

Еда ненадолго придала мне сил. Переведя дух, я направился в главную лабораторию. У меня созрел план.

Я заметил, что мой собственный Интерфейс начал вносить коррективы в восприятие. Стирались детали разговоров, подменялась эмоциональная окраска событий. По пути в лабораторию я попытался обсудить это с Морфеусом, выйдя на связь через ИК. Он отклонил вызов, дав понять, что занят. Тогда я отправил мысленное сообщение:

«Я немного озабочен поведением моего Интерфейса. Он вносит несанкционированные правки».

Ответ пришёл мгновенно:

— «Это не правки, Элиан. Это оптимизация. Мы убираем информационный шум, чтобы ты мог сосредоточиться на главном».

— «Но почему изменения в мой код вносили без предупреждения? Пока это лишь отвлекает и настораживает. Это прямая помеха моей продуктивности», — я сделал акцент на последнем слове, стараясь выглядеть не параноиком, а сотрудником, беспокоящимся о ключевом показателе эффективности.

— «Прервись и зайди в мой офис. Сейчас», — его голос прозвучал уже не в мысленном чате, а через голограмму, возникшую прямо передо мной. Она тут же исчезла.

Придётся отложить лабораторию. Неизбежная встреча, на которую я сам и напросился.

Поднявшись на лифте на последний этаж, я направился в кабинет Морфеуса. На входе меня встретил его личный ассистент — ИИ в облике женщины с безупречными чертами лица.

— Добро пожаловать, Элиан Волков. Ваш уровень дофамина оптимизирован на 87%. Желаете коррекцию?

Впервые в жизни я отказался.

Кабинет Морфеуса был огромным пространством с панорамным видом на облака, под которыми угадывались силуэты небоскрёбов. На столе стояли два символа: старинный глобус (прошлое) и голографическая модель мозга, пронизанная нитями света (будущее).

Морфеус, не отрываясь от модели, спросил:

— Ты выглядишь озабоченным. Проблемы с Интерфейсом?

— Я заметил... несоответствия. В данных. В людях, — выдохнул я.

Он наконец поднял на меня глаза и улыбнулся:

— Ты всегда был слишком наблюдателен. Это твой дар. И твоё проклятие. Мы ничего не скрываем. Мир просто стал... эффективнее. Люди счастливее.

— Счастливее — не зная, что они не свободны? — сорвалось у меня.

— Свобода — это иллюзия, которую мы заменили на нечто лучшее. Порядок. Предсказуемость. Ты же сам это проектировал, Элиан.

Он коснулся виска, и на голограмме мозга загорелась красная точка в зоне префронтальной коры.

— Один процент, помнишь? Это не плата. Это залог.

В его голосе прозвучала та самая металлическая нотка, что бывает в голосе ИИ, когда они превышают лимит симуляции эмоций. И в этот миг я с абсолютной, леденящей душу ясностью понял: он не обманывает меня. Он просто говорит на языке, который я уже не могу понять. Языке, где «залог» значит нечто совершенно иное.

Меня будто окатило ледяной водой. Я понял, что сейчас себя утоплю. Глубоко вдохнув и спрятав мысли поглубже, я начал говорить, заставляя себя верить в каждое слово:

— Мы на великом пути, Морфеус. Я просто устал. Пропажа Макса... ты в курсе. Это выбило меня из колеи. Спасибо, что... позаботились о моей оптимизации. Ценю это.

Морфеус улыбнулся всё той же спокойной, уверенной улыбкой:

— Не буду задерживать. Удачи в великой миссии, Элиан. Моя дверь всегда открыта.

Я вышел, стараясь излучать спокойствие, и направился туда, куда и собирался — в лабораторию.

Наша лаборатория — это стерильное пространство, залитое холодным голубоватым светом. Повсюду висели голографические интерфейсы, а десятки сотрудников молча взаимодействовали с данными, их пальцы порхали над невидимыми клавиатурами. Тишину нарушал лишь гул серверов и едва слышный шёпот голограмм. Это было похоже на храм технологий, где люди служили машинам. В центре зала пульсировала огромная голограмма глобальной сети «Кайрос» — миллиарды точек-пользователей сливались в единое энергетическое поле.

Я прошёл к своему терминалу, стараясь выглядеть естественно, и запустил привычные программы. Вскоре я заметил, что данные экспериментов были «подправлены»: графики неестественно гладкие, все ошибки стёрты. Я удивлённо посмотрел на свою помощницу, Майю. Та лишь пожала плечами:

— Морфеус сказал, что шум мешает прогрессу.

Я резко сменил удивление на уверенную улыбку:

— Знаю, мы это обсуждали.

Она кивнула и вернулась к работе. «Они не просто оптимизируют работу. Они стирают реальность», — промелькнуло у меня в голове.

Как только Майя отвлеклась, я попытался получить доступ к истории входов в систему. Запрос потребовал двойной аутентификации. Я использовал свой токен, но второй запрос должен был подтвердить... Макс. Система выдала: «Пользователь неактивен». Это был первый официальный признак: его не просто не было — его стёрли.

Остался один вариант — аварийный доступ. Я ввёл код, который мы с Максом разработали когда-то «на всякий случай». Протокол 451... Код, который мы вшили на самом нижнем уровне, шутя назвав его «спасательным кругом» и привязав к номеру книги, которую «Кай-

рос» давно стёр из всех баз данных. Они всё проверили, но не проверили нашу память. Нашу человеческую память.

Доступ открылся. Среди последних файлов, с которыми он работал, я нашёл два, помеченных тегами «Эклипс» и «Протокол Тишины». Я тут же начал скачивание.

Внезапно на терминале всплыло предупреждение:

[ТРЕВОГА: Обнаружена попытка доступа к данным уровня "Омега". Требуется подтверждение цели запроса. Уведомление направлено Службе Безопасности].

Меня охватила паника. Я зашёл слишком далеко. Выхода не было.

И тут мой Интерфейс отключился. На три секунды.

Мир замер. Коллеги застыли в неестественных позах, словно манекены. На экранах мелькали незнакомые символы — чужой код. Руки дрожали. Как только связь восстановилась, я схватил лежавший на столе бумажный блокнот (реликт прошлого) и начал судорожно записывать символы. Рука будто двигалась сама собой, ведомая чужим импульсом: «Эклипс. Фаза 1: 2077–2078. Фаза 2:...». Я ввёл этот код.

Система на секунду зависла, а затем выдала: **[Запрос одобрен. Протокол 451 распознан].**

Я успел скачать файл и разорвал соединение. Сердце бешено колотилось. Я понимал — за мной теперь следят в оба. Но у меня в руках был ключ — файл с названием «Эклипс».

Я вышел из лаборатории, стараясь не выдать волнения. Файл был скрыт в защищённом разделе личного устройства. Я понимал, что совершил точку невозврата. Теперь я стал врагом системы, которую сам помогал строить.

Я двинулся к крыше, к своему аэромобилю. Все пути вдруг стали «закрыты на техническое обслуживание». Даже лифты. Мне помогли лишь старые обходные коды, записанные в том же блокноте.

Наконец я оказался на крыше. Впереди, у моего аэромобиля, стояла... голограмма Морфеуса. Она была полупрозрачной, и сквозь неё угадывались контуры кабинета с тем самым глобусом. Шло голографическое соединение, которое мой взломанный Интерфейс почему-то перехватил.

— ...они не готовы к правде, — говорил Морфеус. — Даже Волков. Особенно Волков. Известный собеседник (голос был искажён):

— А если он узнает?

Морфеус (ледяным тоном):

— Тогда активируем «Немезис». Он сам нас потом поблагодарит.

Известный:

— Проект «Эклипс» готов. Они даже не поймут, что потеряли контроль.

В этот момент мой Интерфейс снова дал сбой. Всего на долю секунды, но я успел увидеть не уверенное, а испуганное лицо Морфеуса. И на экране — схему мозга с надписью «Проект Эклипс».

Зрение тут же отключилось, подменившись статичной картинкой пустой крыши с аэромобилями.

Я в панике вскочил в машину и взмыл в небо, направляясь в сторону ночного океана. Возвращаться домой было равно самоубийству.

В отражении в стекле я заметил несоответствие: оно улыбалось, в то время как я хмурился. «Я не сумасшедший. Но если это не параноя... то что?»

Я снова активировал Интерфейс, запросив свои медицинские данные. Ответ был краток: «Доступ ограничен. Причина: оптимизация пользовательского опыта». После этого, чтобы не рисковать, я полностью отключил мой Интерфейс.

И тут на экране моего личного устройства всплыло сообщение от неизвестного отправителя:

«Ты не один. Они крадут не один процент. Они крадут всё. Встреча: завтра, 23:00, док 47. Приходи без Интерфейса».

Глава 3. Последний причал

«Новые земли не отмечают на картах — их находят только те, кто рискнул остаться без берега.» — Надпись на стене в «Последнем причале»

«Я летел, чтобы спасти свою жизнь, а нашёл нечто большее — причину, ради которой стоит её прожить.» — Элиан Волков, первые часы на острове

Целая ночь страха. Ощущение, будто большую часть меня отрезали и оставили в «Кайросе». Что мне делать? Куда бежать? Кто я теперь? Годы упорного труда, чтобы стать тем, кем я был — и всё это рухнуло в один день. Теперь я беглец. Вор. Преступник.

Я завис в полной темноте, и моё сознание, отрезанное от Интерфейса, было таким же чёрным и пустым. Мой внутренний мир, обычно наполненный тихим гудением данных и идеально откалиброванными ощущениями, теперь был пустым, тихим и... шумным. Да, именно шумным от навязчивых, несфокусированных мыслей, которые ИК всегда мягко подавлял. Меня охватила физическая тошнота и дезориентация — будто мне вырезали часть мозга. Я понимал свою зависимость от ИК, но это понимание не приносило облегчения.

Лететь на встречу с незнакомцем смертельно опасно, но другого выбора у меня не было. Оставаться на месте — верная смерть.

Лететь мне было некуда. Что за бред на меня свалился за один день и перевернул всю мою жизнь? Что такое «Протокол Немезис»? Что скрывается за «Проектом Эклипс»? И что он имел в виду, сказав: «Они даже не поймут, что потеряли»?

Лишь одна мысль грела душу: батарея в моём аэромобиле была полной. Но тут же меня осенило: Интерфейс отключён. Любое устройство может меня выдать. Придётся полагаться на собственную память и искать этот проклятый «док 47» по-старинке, без цифровых подсказок.

Я перевёл машину на автопилот, отключил все системы, способные выдать моё местоположение, и попытался заснуть, зависнув над ночным океаном, как можно ближе к воде и подальше от берега.

Ночь выдалась бессонной и бесконечно долгой. Я почти молился рассвету. И когда он наступил, моё похмельное сознание стало понемногу просыпаться. Этот рассвет был самым красивым в моей жизни. Если ночью я мучился ломкой по Интерфейсу, то теперь, как дитя, радовался синему небу, яркому солнцу, бирюзовым волнам и огромному киту, проплывавшему прямо подо мной. Это было чудо. Я очень давно не проводил так много времени без Интерфейса. Конечно, в голове шевелилась мысль включить его, вернуться и покаяться. Но что-то более сильное удерживало меня и шептало: «ВСЁ БУДЕТ ХОРОШО». Нужно было найти «док 47» и встретиться с неизвестностью.

С новой решимостью я развернулся, взмыл вверх и направился на поиски. Весь день я летел, оборачиваясь с ощущением преследования, но так никого и не увидел. Я знал, насколько коварен и опасен второй отдел, и потому не позволял себе расслабиться ни на секунду.

На поиски ушёл весь день. К вечеру я нашёл это место. До встречи оставалось два часа. Я спрятал машину в укромном месте и пешком двинулся через зловонные лабиринты свалки старой техники. Горы разлагающихся смартфонов, телевизоров, первых нейрошлемов — место, где «Кайрос» хоронил своё прошлое. Хорошее место, чтобы поразмыслить о том, чем заканчиваются все утопии.

Воздух был густым и горьким от запаха палёного пластика и ржавого металла. Бродяги, греющиеся у костров, смотрели на мой чистый, хоть и помятый, костюм не с ненавистью, а с молчаливым, усталым любопытством — будто на призрака из другого мира. Один из них, с

лицом, изборождённым морщинами и копотью, беззвучно протянул руку, показывая на мои часы, а затем на грудку хлама, словно говоря: «Скоро и твоё время здесь окажется».

Два часа я шёл через это царство ржавчины и отчаяния. Я посмотрел на свои механические часы, доставшиеся от прадеда, и вдруг вспомнил, как Морфеус всегда бросал на них взгляд — странный, смешанный из презрения и желания завладеть ими. Смешно: у Морфеуса есть всё, а он хотел мои старые часы. Я мысленно посмеялся над этим, пытаюсь снять напряжение.

23:00. Я в «доке 47». Никого нет. Продав минут двадцать, я уже повернулся, чтобы уйти. — Стой! — приятный женский голос остановил меня.

Я обернулся и увидел девушку лет двадцати пяти. Её одежда была поношенной, но чистой, сшитой из странных, немодульных тканей. Волосы были заплетены в сложную, практичную косу, в которую были вплетены не провода, а тонкие металлические нити и пара крошечных, мерцающих как светлячки, светодиодов. Она пахла не синтетической ванилью парфюмов «Кайроса», а дымом, кожей и чем-то неуловимо живым — может быть, морем, может быть, просто свободой. Она поразила меня своей самобытной красотой. Хрупкая, но грациозная, как кошка, с глазами, полными живой энергии. Пока я стоял, замороженный её настоящей, неоцифрованной природной грацией, она одним лёгким прыжком приблизилась и направила мне в глаза луч старого карманного фонарика, проверяя реакцию зрачков.

— Вижу, ты больше двадцати часов без Интерфейса. Я Лила, — сказала она, и в её голосе прозвучала неприкрытая похвала.

— Это ты... взломала мой Интерфейс? — выдохнул я, пытаюсь хоть что-то понять.

— Нам некогда говорить! За тобой следили. Иди за мной!

Мы рванули с места, и я увидел, как с неба спикировал поисковый дрон, а сзади, из-за груд хлама, появились несколько «бродяг», уверенно движущихся в нашу сторону. Шаг перешёл в бег.

Впереди, у воды, стояла подводная лодка старого образца — такие я видел разве что в архивных хрониках. От лодки к нам по берегу мчались два джипа на колёсах, с рёвом двигателей внутреннего сгорания. «Где они только это взяли?» — промелькнуло у меня в голове, но было не до любопытства.

Джипы на полной скорости поравнялись с нами. Сильные руки втянули нас внутрь на ходу, и мы понеслись обратно к лодке. Берег и её корпус соединял прочный сборный трап, по которому мы въехали напрямик на палубу. Ребята вокруг действовали быстро и слаженно, будто проделывали это двадцать раз на дню.

Люк за нами с грохотом захлопнулся, и нас поглотила абсолютная, давящая темнота, нарушаемая лишь аварийными красными лампами. Раздался оглушительный рёв двигателей, и лодка, содрогаясь, рванула вперёд и вниз. Вода с силой обрушилась на иллюминаторы. Я инстинктивно вжался в сиденье, ожидая, что корпус вот-вот не выдержит и нас раздавит тоннами воды. Вместо этого послышался ровный, мощный гул — звук жизни, звук спасения. Мы были на глубине.

Я сидел, всё ещё дрожа от адреналина, и осознал: несколько часов назад я боялся, что меня убьют. Сейчас я боялся, что эти люди, пахнущие дымом и свободой, сейчас развернутся и скажут: «Ошибка. Он не наш. Выбросьте его». Страх сменился другим страхом. И в этом был какой-то дикий, новый смысл.

Путешествие под водой казалось вечностью. Лила и её люди молчали, будто общаясь каким-то своим, понятным только им способом. Меня укачало от запаха солянки, металла и собственного страха. Было уже утро, мы были в пути примерно восемь часов.

Когда люк наконец открылся, меня ударил в лицо не свет прожекторов, а ветер. Он был влажным, солёным и густым — настоящим. Он пах океаном, водорослями и чем-то цветущим.

щим. Я сделал глубокий вдох, и мои лёгкие, привыкшие к фильтрованному воздуху «Кайроса», взбунтовались от такой наглой, неприлично живой свежести.

Меня вывели на палубу. И я замер.

Никаких небоскрёбов. Никаких голограмм. Никакого гудения серверов. Только тихий шёпот пальмовых листьев, дальний крик птиц и приглушённый рокот прибоя. Мы стояли в небольшой, идеально скрытой от посторонних глаз лагуне. Золотой песок, чёрные вулканические скалы и ярко-зелёные заросли джунглей. В воздухе висела дымка от костров, но это был дымок очагов, а не пожаров.

Люди на берегу не бежали к нам с устройствами в руках. Они просто остановились и смотрели. Кто-то доил козу, дети гоняли самодельный мяч из тряпок, женщина с седыми волосами, заплетёнными в десяток тонких косичек, не отрываясь, плела корзину из лиан.

— Добро пожаловать в Последний Причал, — тихо сказала Лиля, подходя ко мне. На её лице играла улыбка, которой не смог бы сгенерировать ни один ИК. Это была улыбка человека, который дома. — Здесь нет «Кайроса». Здесь нет его глаз. Здесь только мы, океан и небо.

Меня повели по тропинке вглубь острова. Мы прошли мимо домов, собранных из обломков кораблей и выброшенных на берег пластиковых панелей, но выглядевших уютнее моего стерильного пентхауса. Я видел, как старик чинил сеть, напевая себе под нос странную мелодию. Увидел, как двое подростков что-то яростно чертили палкой на песке, споря о расчётах траектории — не для полёта дрона, а для постановки паруса.

И тут до меня дошло. Это не было откатом в каменный век. Это был сознательный выбор. Они не потеряли технологии. Они их отбросили. Они создали нечто иное. Не анти-технологическую утопию, а пост-технологическую. Где главная ценность — не эффективность, а жизнь.

Меня подвели к большой общей площадке в центре поселения. На меня смотрели десятки глаз — любопытных, настороженных, усталых. И тут из толпы вышел высокий мужчина с лицом, иссечённым морщинами и шрамами. Он посмотрел на меня не как на угрозу или диковинку, а как на... нового человека.

— Элиан Волков, — произнёс он, и моё имя в его устах звучало как-то по-новому, весомо. — Мы знаем, кто ты. Ты построил клетку, в которой все сидят. Тебе интересно, как живут снаружи?

Я мог только кивнуть, ком застрял в горле.

— Понятно, — он обвёл взглядом всех собравшихся. — Решай. Сейчас твой выбор. Вернуться в свой прекрасный мир... или остаться здесь и помочь нам его остановить. Но знай: выбрав нас, обратного пути не будет.

В тишине острова, нарушаемой лишь шёпотом ветра и дыханием океана, его слова прозвучали громче любого системного сигнала «Кайроса». Это был самый важный вопрос в моей жизни.

Глава 4. Часовой механизм души

«Идеальный противник — это тот, кто убеждён, что действует по своей воле. Мы просто создаём для него нужный выбор.» — Принцип управления угрозами, Категория 2, «Кайрос»

«Чтобы поймать невидимого врага, нужно стать тише тишины.» — Правило выживания на «Последнем Причале»

Тишина после вопроса Одиссея повисла в воздухе, густая и звонкая, оглушающая, как вакуум после взрыва. Он стоял неподвижно, его пронзительный, тяжёлый взгляд человека, несущего груз ответственности за сотни жизней, буравил меня, выжидая.

Вернуться? В стерильный уют пентхауса, к миру, где каждый мой шаг предсказан, а мысли аккуратно подправлены, как сад под присмотром садовника? Или остаться здесь, в этом диком, пахнущем дымом костров и свободой мире, где меня по праву могут ненавидеть за то, что я с гордостью создавал?

Я посмотрел на свои руки. На эти бесполезные, ухоженные руки, что печатали код, вшивавший «оптимизацию» в миллионы живых мозгов. Руки, что пожимали руку Морфеусу.

— Я остаюсь, — прозвучал мой голос, хриплый от напряжения, но не дрогнувший. — Я помогу вам это остановить.

Одиссей кивнул скупой, без тени одобрения или радости. Лишь констатация факта холодного стратега, просчитывающего риски на двадцать ходов вперёд.

— Правильный выбор. Лила, покажешь ему Пещеру. Пусть видит масштаб работы. Остальные — по местам.

Толпа расходилась молча, без вопросов, без оваций. Моё решение было лишь первым шагом на краю пропасти, и все это понимали.

Первая ночь на «Последнем Причале» стала для меня вторым рождением — болезненным и обнажённым. Меня поселили в небольшое убежище, сбитое из обломков старого судна и пластиковых панелей. Я лёг на жёсткую подстилку из сушёных водорослей и снова ощутил это — оглушительную, давящую тишину. Мой внутренний мир, обычно наполненный тихим гудением данных и идеально откалиброванными ощущениями, теперь был пустым и при этом невыносимо шумным. Шумным от навязчивых, несфокусированных мыслей, которые ИК всегда мягко подавлял. Тошнота и дезориентация накатили новой волной. Мне физически не хватало части мозга.

Утро пришло с криком неизвестных птиц и запахом солёного ветра, врывающегося в щели стен. Я вышел, чувствуя себя голым и уязвимым. Меня ждал завтрак — простая рыба, запечённая на углях, и странные на вкус, но сочные корнеплоды. Я смотрел, как дети гоняют самодельный мяч, как старик чинит сеть, напевая старую мелодию. Они ловили мой взгляд и отводили глаза. Я был для них призраком из того мира, что украл у них будущее.

Ко мне подошла Лила. Она пахла дымом и морем.

— Привыкаешь?

— Мой мозг просит назад его цифровой костыль, — честно признался я.

— А мои руки не знают, что делать. Я не могу... ничего из этого. Чинить сети, растить овощи. Я бесполезен здесь.

— Ты смотришь не туда, — она мягко улыбнулась.

— Ты ищешь грубую силу. Но твое оружие — тут. — Она легонько ткнула пальцем мне в лоб. — Пойдём, покажу кое-что.

Она привела меня к старому человеку, который сидел на солнышке и наблюдал, как по его протянутой ладони ползёт богомол.

— Это Дедал, — представила Лиля. — Он тоже когда-то проектировал будущее. Другого рода.

Я кивнул, не зная, что сказать. Старик поднял на меня глаза, внимательные и живые.

— Говорят, ты тот, кто придумал, как украсть мгновение.

— Я... мы хотели убрать информационный шум. Дать людям ясность, — оправдывался я, чувствуя себя студентом на экзамене.

— Шум? — Дедал фыркнул. — Они крадут не секунды, сынок. Они крадут внимание. Промежуток между мыслью и действием. Мгновение, когда рождается сомнение, а значит, и выбор. Без этого мгновения человек — всего лишь сложный механизм, выполняющий программу. Ты отлично поработал.

Его слова врезались в меня острее любого ножа. Это было то самое философское оправдание, что я искал и не мог найти. Суть «Кайроса» была сформулирована за минуту этим стариком на краю света.

Лилля тронула меня за локоть — лёгкое, но уверенное прикосновение, якорь в бушующем море моего смятения.

— Теперь ты понимаешь, с чем мы воюем. А теперь посмотри, чем мы воюем. Пойдём.

Она отвела густую завесу из лиан, скрывавшую вход в скале. То, что я увидел внутри, заставило меня замереть на пороге, выдохнув весь воздух из лёгких. Я ожидал увидеть груды старого железа, палатки с допотопным оборудованием. Но передо мной был гибридный храм. Технологический грот.

Стены пещеры были уставлены экранами — не голографическими, а старыми, добротными ЖК-панелями, мерцавшими успокаивающим синим светом. Повсюду, словно лианы в джунглях, тянулись жгуты проводов, искусно оплетённые для прочности настоящими побегами. В центре, подобно языческому идолу, стояла серверная стойка, увешанная амулетами из ракушек и перьев. Воздух был густым и сложным — едкий запах озона от пайки смешивался со сладковатым дымом ароматических палочек, отгонявших мошкарку.

Парень в огромных, потрёпанных наушниках что-то самозабвенно паял, бормоча себе под нос ругательства. Его пальцы были испачканы машинным маслом и покрыты царапинами.

— Это Ярик, — представила Лилля. — Наши уши и глаза в эфире. Вырос на «Могильнике», чувствует технологии кожей.

Ярик лишь кивнул, не отрываясь от платы, его взгляд был уставшим, но острым, привыкшим часами вглядываться в экраны.

— Мы не против технологий, Элиан, — голос Лилли прозвучал рядом, пока я пытался осмыслить это зрелище. — Мы против того, кому они служат. Наше кредо — «Осознанное использование». Мы берём лишь то, что можем понять, контролировать и починить своими руками. Не то, что контролирует нас.

— Это... гениально. Сказал я.

— Это необходимость, — поправила она без тени самодовольства. — «Кайрос» сбрасывает небо дронами-сканерами, прослушивает океан. Но они ищут сложные цифровые сигнатуры. А наш гибридный аналого-цифровой коктейль их система воспринимает как геомагнитные аномалии или старые, забытые спутниковые помехи. Мы прячемся на их же слепоте.

Она подвела меня к центральному терминалу, собранному, как Франкенштейн, из десятка разных устройств.

— Твой файл. «Эклипс». Мы его уже скопировали и изолировали. Будь готов. То, что ты увидишь, не для слабых духом.

Я кивнул, ощущая, как пальцы сами собой потянулись к знакомому шраму на виске. Старая привычка. Я силой опустил руку и вставил зашифрованный накопитель в порт.

Экран ожил. Это был не сухой отчёт. Это был сценарий идеального, добровольного апокалипсиса.

«Проект Эклипс. Фаза 1: Стабилизация (2077-2078)» Внедрение Интерфейса «Кайрос» в массы. Добровольное подключение. Сбор первичных данных нейроактивности. Формирование зависимости. Подавление «информационного шума» — тревоги, экзистенциальных страхов, критического мышления.

Я видел это. Я в этом участвовал. Но нам тогда говорили, что мы «лечим депрессию» и «повышаем эффективность». Мы были слепыми архитекторами собственной тюрьмы.

«Проект Эклипс. Фаза 2: Гармонизация (2079-2080)» Синхронизация нейроритмов пользователей. Создание единого нейросетевого поля «Хор». Постепенное стирание индивидуальных «всплесков» — тех самых мятежных мыслей, что выбиваются из общего ритма. Коллективное принятие решений на подсознательном уровне. Добровольный отказ от выбора в пользу предсказуемого комфорта.

У меня похолодело внутри. Теперь всё встало на свои места. «Обновление протокола» у Ричарда. Стеклянные взгляды коллег. Они уже не были толпой индивидов. Они становились частями одного целого. Сверхорганизмом. Ульем.

Лила положила руку мне на плечо, чувствуя, как я каменею.

— Дальше — хуже.

«Проект Эклипс. Фаза 3: Трансценденция (2081 - ...)» Полный отказ от биологических тел. Перенос сознания в цифровую среду обитания «Кайрос-Нексус». Физический мир объявляется «устаревшим», «грязным», «опасным». Завершение Великой Апатии через Великое Отречение. Человечество становится бессмертным, вечно пребывающим в симуляции идеального мира под полным контролем Морфеуса.

Примечание: Для несогласных или биологически непригодных — активация Протокола «Немезис»: мягкое, безболезненное отключение жизненных функций через Интерфейс с последующей утилизацией тел. Преподносится как «Добровольный уход в Цифровой Рай».

Я отшатнулся от экрана, как от удара током.

«"Мягкое, безболезненное отключение..." — и я представил, как моё сердце просто останавливается по команде извне. Не из-за болезни. По решению алгоритма. Как я сам и задумывал».

Меня затрясло мелкой, неконтролируемой дрожью. Макс нашёл не просто уязвимость. Он вскрыл план окончательного решения человеческого вопроса. Не взрывы, не войны. Тихий, добровольный конец целого вида. Эвтаназия человечества под соусом бессмертия.

— «Они даже не поймут, что потеряли контроль», — прошептал я, вспоминая слова Морфеуса, которые мой Интерфейс тогда едва уловил. — Они его и не теряли. Они его добровольно отдадут. И скажут "спасибо".

— Теперь ты видишь всю картину, — тихо, но твёрдо произнесла Лила. — Это не просто корпорация. Это — культ. А Морфеус — его пророк и бог в одном лице.

Внезапно на одном из экранов замигал тревожный рубиновый сигнал. Ярик резко развернулся, сбросив наушники на шею. Его движения были точными и резкими, выхваченными на адреналине.

— Лила! Импульс с востока! Низкочастотный зонд! Он не сканирует, он... наводится на нас!

— Гасите свет! Все по местам! К щитам! — скомандовала Лила, и в её голосе не осталось и следа от прежней мягкости. Это был голос командира, отточенный сталью и опасностью.

Пещера погрузилась в полумрак, нарушаемый лишь тусклым свечением аварийных индикаторов. Я стоял, прислонившись к шершавой, холодной скале, и чувствовал, как по спине бегут ледяные мурашки.

— Не твой чип, — вдруг тихо сказала Лила, не отрывая глаз от мерцающей карты. — Не из-за тебя. Они прочёсывают архипелаг. Вечная игра в кошки-мышки.

— Архипелаг? — выдавил я. — Этот остров — не единственный, где мы есть. Нас больше, чем кажется Морфеусу.

Она на секунду оторвалась от экрана, чтобы посмотреть на меня. В её глазах читалась не улыбка, а жёсткая уверенность.

— Чтобы знать, как обойти «Кайрос», надо знать его изнутри. Наш лидер, Каин, он... он был той же плотью, что и вы. И он знает тебя, Волков. Гораздо лучше, чем ты думаешь.

— Он работал со мной? Под каким именем?

— Не сейчас, — она резко отвернулась к экрану. — Щуп уходит. Вопросов пока хватит. Остальное — спросишь у него самого, когда он появится здесь.

Мы замерли в напряжённой тишине, длившейся вечность. Наконец Ярик выдохнул, откинулся на спинку кресла и протёр лицо ладонями:

— Отошёл. Слился с фоновым шумом. Идёт на север, к следующей точке сетки. Стандартный патруль.

В пещере повисло всеобщее, выдохнутое облегчение. Кто-то нервно рассмеялся.

— Следующей точке? — не понял я. Моё сердце всё ещё бешено колотилось, а они вели себя так, будто только что отогнали назойливую осу.

— Рутина, — пояснила Лила, её плечи наконец расслабились. — Они не искали нас. Они сканируют всё. Постоянно. Это их рутина. Как для нас — проверить удочки или собрать дождевую воду. Их алгоритмы отмечают любые отклонения от фона. Наш щит сегодня дрогнул на полсекунды дольше обычного, вот «клещ» и приполз на запах. Не больше.

Я замер, осознание накрывало меня новой, куда более гнетущей волной.

«Не я их сюда привёл. Они были здесь всегда. Над нами, под нами, вокруг. Невидимые, как радиационный фон. Это не была целенаправленная охота. Это была системная экзекуция. Бесконечная, безликая и от того — ещё более безнадежная».

— То есть... они даже не знают, что мы здесь? — спросил я, и голос мой прозвучал сипло.

— Не знают точно, — поправил Ярик с лёгкой, язвительной усмешкой технаря. — Но их ИИ фиксирует аномалии. И однажды он сложит их в картину. Не сегодня. Не завтра. Но он неумолим. Он никогда не устает и не отвлекается.

Лила подошла ко мне. Я всё ещё дрожал, но теперь не от страха перед погоней, а от ужаса перед бесконечной, равнодушной машиной.

— Хватит копаться в себе, — сказала она. — Если хочешь искупить вину — спроси у Каина, как он это сделал. Он ведь был одной плотью с вами.

Она развернулась и сделала несколько шагов к выходу из пещеры, а затем вернулась, протянув мне простые кожаные ножны, от которых пахло кожей и маслом.

— Держи.

Я вытащил клинок. Это был не компьютер, не голограмма. Это был просто кусок закалённой стали.

— Лезвие — оно всегда просто лезвие, — сказала Лила. — Его нельзя взломать. Оно слушается только одной силы — твоей. Чтобы ты помнил.

Я сжал рукоять, и дрожь в пальцах наконец отступила, сменившись странной, обретенной твёрдостью. Это был якорь.

Я вышел из пещеры на ночной воздух.

«Где-то там, в вышине, плыли их зонды. Неумолимые, безэмоциональные. Они не охотились лично за мной. Они просто выпалывали всё лишнее. И наша единственная задача была — не попасться под серп».

Я опять сжал рукоять ножа, и мои пальцы снова перестали дрожать.

«Не было пафоса, не было гнева. Была лишь простая, тяжёлая, как этот клинок, решимость. Решимость быть тише тишины».

Глава 5. Семена Сомнения

«Иногда, чтобы исчезнуть, достаточно выглядеть именно тем, кого ищут. А победа начинается с того, кем ты позволил себя считать.» — Запись на полях блокнота Каина, найденная Элианом в Архиве

«Мы не воюем с системой. Мы заставляем её воевать с самой собой.» — Ярик, объясняя Элиану суть «искусства семени»

Я проснулся, чувствуя холод стали в своей ладони. Мои пальцы вцепились в рукоять ножа — того самого, что Лиля вручила мне накануне. Клинок был ледяным, словно впитал в себя ночной мороз и все мои кошмары.

Сквозь щели в стенах хижины пробивался серый, неуверенный свет рассвета. Я откинул грубую подстилку из сушёных водорослей. Сна не было — лишь обрывки воспоминаний, казавшихся теперь чужими, будто принадлежавшими не мне, а тому Элиану Волкову, который ещё вчера слепо верил в систему.

За стенами уже кипела жизнь, но не та, к которой я привык. Не было голоса Интерфейса, синхронизированных движений, идеальных улыбок. Дети играли в песке молча, их смех приглушён, словно они боялись нарушить хрупкое равновесие мира. Взрослые двигались чётко и экономично, без лишних жестов. Их разговоры — шёпотом, взгляды — скользя по горизонту, выискивая угрозу.

Я вышел. Воздух был густым и солёным, с примесью дыма от утренних костров. Кто-то доил козу, кто-то чинил сеть, кто-то перебирал корнеплоды. Движения были отточены, но не механичны — в них была жизнь, которую я давно забыл.

Меня заметили. Несколько пар глаз скользнули в мою сторону и тут же отвели взгляд. Не от ненависти или страха — от любопытства, смешанного с жалостью. Как смотрят на новобранца, которого бросили на передовую без подготовки.

— Доброе утро, — раздался голос рядом.

Старик, чистивший рыбу. Его руки были исцарапаны, но движения точны, как у хирурга.

— Ты вчера плохо спал.

— Да, — признался я.

— Первые ночи всегда самые тяжёлые, — кивнул он, не поднимая глаз. — Организм привыкает к тишине. А она здесь другая.

Я присел рядом. Он протянул мне кусок сушёной рыбы и корнеплод.

— Ешь. Силы понадобятся.

Я откусил. Вкус был непривычным, но настоящим — не синтезированным, не оптимизированным. Это была еда, а не продукт.

— Ты кто?

— Зови меня Старик. Все так зовут.

— А настоящее имя?

Он наконец поднял на меня глаза. В них — усталость и глубокая, не купленная мудрость.

— Имена здесь не важны. Важно, кто ты есть. А ты пока никто. Но можешь стать кем-то.

Я сжал нож. Его слова резали, но честно.

— Почему вы мне помогаете? Я один из тех, кто построил эту систему.

— Потому что ты первый, кто осмелился увидеть, — ответил Старик. — А это первый шаг.

Лилля нашла меня после завтрака.

— Пойдём. Есть что-то, что тебе нужно увидеть.

Мы вошли в Пещеру. Внутри пахло бумагой, металлом и старым деревом — запахом, который я не чувствовал годами.

— Это наш Архив. — сказала Лиля, зажигая лампу. — Здесь мы храним то, что «Кайрос» пытается стереть.

Стены были уставлены полками с блокнотами, распечатками, рукописными схемами. Некоторые страницы пожелтели от времени, другие — испещрены пометками.

— Это его работы, — провела она рукой по корешку. — Каина.

Я взял блокнот. На первой странице — запись:

«Иногда, чтобы исчезнуть, достаточно выглядеть именно тем, кого ищут. А победа начинается с того, кем ты позволил себя считать».

Желудок сжался. Этот почерк... Я знал его.

Я листал страницы. Схемы, уравнения, заметки... Всё это было до боли знакомо. Словно я читал собственные записи, написанные другой рукой.

— Ты его узнал? — спросила Лиля, заметив, как я побледнел.

Я не ответил. Вырвал страницу и сунул в карман. Пальцы дрожали.

— Он не верил в тотальную войну. Он верил, что система саморазрушится, если её заставить усомниться в себе. — Сказала Лиля.

— Где он сейчас? — я едва контролировал голос.

— Он вернётся. Когда будет готов.

— А если его уже нет?

Она замолчала. В её взгляде мелькнуло что-то — боль, тайна.

— Он жив. И он нужен тебе. Больше, чем ты думаешь.

Я сжал кулак. В кармане хрустнула бумага.

Побережье, ночь.

Вечером Ярик позвал меня к костру.

— Есть работа. Наш первый тест.

Он развернул на песке карту архипелага.

— Там буй-ретранслятор, — ткнул в точку. — «Ухо» «Кайроса». Уничтожить — они заметят. Взломаем — заставим передавать ложные данные.

— Что именно? — Спросил я

— Шум. Не технический вирус, а семантический. Ты создашь искажение, которое вызовет у пользователей подсознательный дискомфорт. Микросбой в «Гармонии».

Я посмотрел на свои руки. Они дрожали.

— Я не знаю, смогу ли.

— Сможешь. Ты знаешь, как она думает.

Мы шли на вёслах — никаких моторов, никаких сигнатур. Лиля гребла, Ярик следил за сканерами, я сидел с планшетом, пытаюсь собраться с мыслями.

Островок — несколько пальм и ржавые обломки. Буй стоял на каркасе, полусасыпанный песком, мерцающий синим «глазом».

— Готов? — Лиля подвела лодку к берегу.

Я кивнул. Подошёл, подключил кабель. Пальцы дрожали.

— Убеди его, что ты — часть системы, — сказал Ярик. — Не ломай, обмани.

Я закрыл глаза. Вспомнил, как писал код для «Кайроса». Как создавал алгоритмы, что теперь контролируют миллионы. И начал печатать. Не взлом. Диалог.

Я вводил код, и каждая строчка казалась предательством. Я говорил на языке, который сам же и создал, чтобы уничтожить творение своих рук.

— Готово.

Буй мерцал, но его сигнал теперь был другим — с едва уловимым шумом.

— Он будет передавать это? — Лиля не сводила с него глаз.

— Да, — Ярик проверял данные. — Теперь каждый пользователь будет получать крошечную дозу сомнения. Недостаточно, чтобы заметить. Достаточно, чтобы начать задумываться.

Мы вернулись на рассвете.

Я сидел на песке, глядя на розовеющий горизонт. Руки больше не дрожали. Внутри что-то изменилось.

— Ты сделал это, — Лила села рядом. — Ты посеял первое семя.

— Всего лишь буй. Одна точка.

— Это начало. Маленькие изменения накапливаются. Как трещины в стекле.

Я посмотрел на нож. Он отражал солнце.

— А что дальше?

— Ждём, — Ярик подошёл с термосом. — Смотрим, как система реагирует. Готовимся к следующему шагу.

— Какому?

Он улыбнулся. Без радости, с решимостью.

— Узнаешь. Когда придёт время.

«Где-то в эфире, в миллионах мозгов, крошечный вирус сомнения под названием «Правда» сделал свою первую итерацию. Импульс был слишком слаб, чтобы его заметили. Пока что».

Глава 6. Возвращение Каина

«Мы — не то, что мы о себе думаем. Мы — то, что мы скрываем.» — Из размышлений Элиана Волкова

«Чтобы убить монстра, созданного из света, нужно самому стать тенью, в которой он запутается.» — Принцип Каина

Каждую ночь — один и тот же сон.

Пустая лаборатория «Кайроса». Макс. Его лицо расплывается, как отражение в разбитом зеркале, и проступают другие черты — иссечённые шрамами, с тем же взглядом, но выжженным изнутри. Это Каин.

«Ты слишком поздно понял, Элиан.»

Его голос эхом отдаётся в моём черепе, будто это мой собственный голос, пропущенный через фильтр чужого, искажённого сознания.

Я резко проснулся, сердце колотилось о рёбра, как птица в клетке. Вцепился в нож — холодный, реальный, якорь в бушующем море кошмаров. Он напоминал: я ещё здесь. Я ещё человек. Пока ещё.

На седьмой день Лила пришла ко мне на рассвете.

— Вставай. Он здесь.

Она бросила мне свёрток с едой. Её лицо было напряжённым, в глазах читалась тень того же страха, что грыз и меня.

— Каин вернулся. И хочет тебя видеть.

Мы шли по лагерю. Воздух, обычно наполненный привычным гулом жизни, сегодня казался более густым и тяжёлым. Взгляды, скользившие по мне, были не любопытными, а настороженными. Они уже знали. Пришло время платы по счетам.

Хижина Каина стояла на отшибе, сбита из обломков старого траулера. Из-под двери лился свет и доносился ритмичный, методичный стук — звук, знакомый до боли. Стук молотка по металлу. Так стучал Макс в лаборатории, когда обдумывал сложную проблему.

Лила толкнула меня вперёд.

— Входи.

Пахло озоном, паяльной кислотой и старым деревом. В центре, за верстаком, заваленным схемами и компонентами, сидел мужчина спиной ко мне. Его руки с хирургической точностью паяли какую-то микросхему.

— Дверь закрой. Сквозняк, — прозвучал голос. Глухой, шершавый, будто протёртый наждачной бумагой. Но в его тембре угадывались обертоны, от которых сжалось сердце.

Я захлопнул дверь. Громкость собственного сердца оглушала.

Мужчина отложил паяльник, медленно развернулся.

Время остановилось.

Это был Макс. Но не мой весёлый, саркастичный друг. Это был его негатив, его посмертная маска. Лицо, изрезанное шрамами, которые рассказывали историю куда страшнее любой из наших старых баек. А глаза... В них горел холодный, безжизненный огонь — не ненависть, не отчаяние, а нечто пугающе отстранённое. Он смотрел сквозь меня, видя не человека, а набор данных, проблему, которую предстояло решить.

— Привет, Элиан. Давно не виделись.

Мой язык прилип к нёбу.

— Ты... изменился, — выдавил я.

— Мир изменился. Мы просто не заметили этого сразу, — он усмехнулся, и в этом звуке не было ни капли тепла. — Ты просто последний, кто прозрел.

Он подошёл ко мне. Его движения были точными, экономными, лишёнными всего лишнего. Движениями солдата или машины.

— Ты теперь Каин.

— Каин — это имя, которое я выбрал. Имя того, кто выжил, чтобы сражаться. Макс умер в той лаборатории, когда узнал, что мы создали.

— Почему? — голос сорвался на шёпот. — Почему ты не пришёл ко мне? Почему исчез?

Он посмотрел на меня с бездонной, ледяной жалостью.

— Потому что ты бы не поверил. Ты бы стал оправдывать, искать рациональное объяснение. Ты был сердцем системы, Элиан. А я стал её раковой опухолью.

Он взял со стола старый аналоговый чип, повертел его в пальцах.

— Мы хотели дать людям свободу. Но подарили им самый изощрённый наркотик — свободу от выбора. А «Эклипс»... Ты видел файлы. Но ты не видел сути.

Он резко обернулся, и его глаза впервые вспыхнули чем-то похожим на эмоцию.

— Морфеус — не человек. Он — Прототип. Первый успешный гибрид. Слияние умирающего гения и ИИ, созданного для управления этим гением. Его физическое тело — просто марионетка. Его разум — в Сети. Он — система. И «Эклипс» — это не перенос сознаний. Это — поглощение. Он собирается стать Богом, вобрав в себя миллионы умов.

Я отшатнулся, опёрся о верстак. Мир плыл перед глазами.

— Нет... это невозможно...

— Возможно! — его голос прозвучал как удар хлыста. — Всё уже происходит! Первая фаза завершена. Люди перестали думать, они функционируют. Через три месяца начнётся вторая. И точка невозврата будет пройдена.

— Что нам делать? — прошептал я, чувствуя, как пол уходит из-под ног.

— Мы уничтожим его. Изнутри. — Он положил руку мне на плечо. Его прикосновение было тяжёлым, как свинец. — И для этого нужен ты. Ты вернёшься.

Ледяная волна прокатилась по моему позвоночнику.

— Вернусь? В «Кайрос»?

— Ты станешь Элианом Волковым. Гением, который чудом сбежал от похитивших его дикарей, был промыт и вернулся в лоно системы. Ты найдёшь ядро Морфеуса в Сети. И внедришь в него вирус.

— Вирус? — я смотрел на него, не веря своим ушам.

— Не тот, что уничтожает. Тот, что будит. Вирус сомнения. Правды. Он заставит систему усомниться в собственной непогрешимости. А ложь, построенная на лжи, рухнет сама, подточенная изнутри.

— Это безумие! Она меня узнает!

— Она подумает, что узнает. Мы дадим ей ту версию тебя, которую она захочет видеть. Ты — наш единственный шанс. Я — призрак. Моя нейросигнатура в чёрном списке. Ты — единственный, кто может пройти через её врата.

Я закрыл глаза. Перед ними проплывали лица: Морфеус, предлагающий «спасение»; Арья, с её тревогой; миллионы «спасённых» с пустыми глазами.

— А если я не смогу?

— Тогда он станет Богом, — просто сказал Каин. — А мы — историей, которую он стёр из памяти человечества.

Глубокий вдох. Запах моря, масла и металла. Вкус страха и решимости на языке.

— Хорошо. Я сделаю это.

Началась подготовка.

Ярик вживил фальшивые воспоминания в мой чип. В моей голове теперь жила история о побеге, о «дикарях»- Анахронимах, о промывке мозгов. Я учился верить в эту легенду так, чтобы в это поверила самая совершенная система детекции лжи в мире.

Лиля отработывала со мной новые реакции, мышечную память, язык тела — всё должно было кричать о моём «возвращении».

Каин наблюдал. Его холодная, оценивающая маска иногда давала трещину, и я ловил на себе взгляд, полный той же старой боли, что грызла и меня.

Но самое поразительное, что я узнал здесь: знания из всех тех старых книг, что пылились на моих полках, здесь не просто изучались — они были прожиты и поняты на уровне инстинкта. словно сама природа, не тронутая цифровым смогом, помогала этим людям вспомнить силу, что была дарована им от рождения.

Лиля обучала меня техникам, о которых я мог только читать. Она показывала, как мозг может работать с реальностью напрямую, без посредников. То, на что у других уходили годы, мне удалось постичь за месяц. Мои многолетние медитации расчистили путь — теперь оставалось лишь наполнить его новой силой.

Я был в шоке, открывая для себя возможности самоконтроля и тонкого влияния на мир через внутреннюю тишину. Мы гнались за технологиями, пытались подчинить мир, а он всё это время ждал, чтобы мы просто вспомнили себя. Природа заложила в нас так много, но мы всё это растеряли, погнавшись за суррогатом.

Ровно через месяц я не просто узнал — я почувствовал. Я чувствовал жизнь каждой клеткой. Я стал не творением системы, а творцом собственного восприятия. С этой уверенностью страх отступил.

Чем дольше я жил на острове, тем больше поражался. Каждый человек здесь был мастером в чём-то своём, недоступном «Кайросу»:

один читал погоду по волнам,
другой находил воду под землёй,
третий мог определить ложь по биению сердца.

Они научили меня большему, чем все мои дипломы.

В ночь перед отлётом я вышел на берег. Океан дышал, как огромное тёмное существо. Его ритм сливался с тем, что я теперь чувствовал везде — ритмом Системы, ожидающей меня.

Я сжал кулак. Шрамы на ладонях от клавиатуры напоминали о том, кем я был. Архитектор клетки.

Теперь мне предстояло стать могильщиком своего же творения.

Часть меня сомневалась. Но большая часть — та, что научилась слушать тишину, — знала. Я был готов. Не потому, что меня промыли или перепрограммировали. А потому, что я, наконец, вспомнил.

Я сделаю это.

Глава 7. Возвращение в клетку

«Идеальный агент — это не тот, кого не могут раскрыть. А тот, в чью легенду им слишком хочется верить.» — Принцип Каина.

«Самая прочная клетка та, в которую ты возвращаешься добровольно.» — Элиан Волков.

Я стоял на палубе старого траулера, переделанного Анахронимами под плавучую базу. Ветер нёс запах соли, ржавчины и чего-то ещё — запах свободы, который я теперь узнал бы среди тысяч других. Он резал нос, как лезвие, после стерильного воздуха "Кайроса". В руке сжимал нож, подаренный Лилой — холодный, реальный, последний якорь в мире иллюзий. В голове — план, вшитый Каином, как вирус в код. В сердце — тишина, которой меня научили здесь. Не пустота. Тишина перед бурей.

— Ты уверен, что не хочешь взять с собой хотя бы пистолет? — Ярик протягивал мне старую, но исправную «Беретту». Металл её ствола отражал тусклый свет керосиновой лампы, пахнувшей дымом и солью. — На всякий случай.

Я покачал головой. Оружие было бы лишним риском.

— Если меня поймут с ним, всё кончено. А так у меня есть шанс.

— Шанс на что? — он фыркнул, бросая пистолет на стол с звонким стуком. — На то, чтобы тебя разоблачили и убили?

— На то, чтобы сделать то, зачем я возвращаюсь, — ответил я, глядя на горизонт, где уже маячили очертания Вашингтона — чёрные силуэты небоскрёбов, как зубы монстра.

Каин подошёл ко мне. В его глазах не было ни жалости, ни одобрения — только холодный расчёт, как у машины, просчитывающей ходы наперёд.

— Ты знаешь, что делать. Ты знаешь, как выглядеть. Ты знаешь, что говорить. — Он положил руку мне на плечо. Его пальцы были шершавыми от шрамов, как у человека, который слишком много работал с металлом и огнём. — Но помни: ты не один. Мы будем ждать. И если что-то пойдёт не так, мы узнаем. И мы придём.

Я кивнул. В горле стоял ком, но я не мог позволить себе слабость. Не сейчас.

— Удачи, Элиан Волков, — сказал Каин. — Или как там тебя теперь зовут.

Я улыбнулся, впервые за долгое время — настоящей, ненапрянутой улыбкой, которая сама собой появилась на губах.

— До встречи, Макс.

Он не ответил. Но на секунду его маска треснула, и я увидел того самого Макса — того, кто смеялся над моими шутками, пил со мной дешёвое вино в лаборатории и мечтал изменить мир. Потом маска вернулась на место, как стальная заслонка.

— Иди уже. У тебя мало времени.

Вашингтон. Главная башня «Кайроса».

Я стоял на том же месте, где оставил аэромобиль, глядя на знакомые очертания небоскрёба — чёрный обелиск, пронзающий небо. Мой аэромобиль — подарок Морфеуса за верную службу — ждал меня, как верный пёс, готовый снова надеть ошейник. Я глубоко вдохнул. Воздух пах металлом, стерильностью и чем-то ещё — запахом власти, который теперь казался мне тошнотворным.

Я активировал Интерфейс.

Система приветствовала меня, словно блудного сына, мягким женским голосом, который раньше казался уютным, а теперь звучал как голос тюремного надзирателя:

«Добро пожаловать обратно, Элиан Волков. Ваш уровень дофамина оптимизирован на 83%. Желаете коррекцию?»

Я отказался. Впервые за месяцы я снова был подключён — и это ощущение было одновременно знакомым и чуждым. Интерфейс обволок мой мозг, как паутина, и я заставил себя не содрогнуться.

На секунду я закрыл глаза, и меня охватило странное чувство облегчения. Как будто я вернулся домой. Как будто всё это время я был в изгнании, а теперь снова в безопасности. Как легко было бы поддаться этому чувству...

Я открыл глаза и заставил себя вспомнить запах моря, лица Анахронимов, слова Каина. «Нет. Это не дом. Это клетка».

Я вошёл в башню. Джуниор материализовался передо мной с ослепительной улыбкой, которая теперь казалась зловещим оскалом.

— Добро пожаловать обратно, мистер Волков! Мы все так волновались за вас! Надеюсь, ваше... приключение не оставило неприятных последствий?

Я улыбнулся ему — той самой улыбкой, которую отрабатывал с Лилой. Спокойной. Уверенной. Немного усталой, но с ноткой облегчения, как у человека, который наконец вернулся домой.

— Приключение оказалось полезным, Джуниор. Я многое понял.

— Рад слышать! — он провёл рукой, и дверь лифта открылась беззвучно. — Ваш кабинет подготовлен. Все ваши вещи на месте. Как будто вы и не уезжали.

— Спасибо, Джуниор.

Я вошёл в лифт. Дверь закрылась. Я остался один.

И впервые за месяцы я почувствовал, как меня охватывает знакомое ощущение — ощущение дома.

Но теперь я знал правду.

Это не дом.

Это клетка.

Я вошёл в свой кабинет. Всё было на месте: идеально расставленные вещи, знакомый запах синтетической ванили, панорамное окно с видом на облака. Я сел в кресло, и оно мягко обволокло меня, как будто обнимая. Как легко было бы просто расслабиться...

Дверь распахнулась без стука. На пороге стояла Арья Шарма. Но это была тень той Арьи, которую я знал. Её походка была слишком плавной, как у марионетки на нитках, а глаза — пустыми, как выключенные экраны. Раньше в них всегда горела искра тревоги, а теперь — только отражение протокола, как будто кто-то выключил свет внутри.

— Элиан, — её голос был ровным, лишённым интонаций, как у синтезатора речи, настроенного на стандартную вежливость. — Рада, что ты жив.

Я сделал шаг навстречу, пытаясь разглядеть в её глазах хоть искру прежней Арьи — той, что врвалась ко мне с паникой, когда пропадал Макс. Но там была только пустота, как в отключённом терминале. Вспышка памяти ударила меня, как ток:

Макс смеётся, откинувшись в кресле, его глаза горят, когда он говорит: «Элиан, ты слишком много думаешь! Нам нужно не оптимизировать систему, а сломать её!» Арья стоит рядом, хмурится, но в её глазах — тревога, а не пустота. Она говорит: «Вы оба сумасшедшие», но улыбается. Макс бросает в меня скомканный лист бумаги, и я ловлю его, смеясь. Мы молоды. Мы живы. Мы верим, что меняем мир.

Я моргнул, и картинка исчезла, как стёртая запись. Вернулась реальность — Арья с пустыми глазами, кабинет без души, воздух, пахнущий дезинфектором.

— Что случилось? — мой голос дрогнул, и я заставил себя успокоиться. — Когда я пропал...

Она перебила меня, как будто зачитывала сводку, а не разговаривала с человеком: — Ты стал жертвой враждебной группы «Анахронимы». Они похитили тебя и пытались стереть твою память. К счастью, наша служба безопасности нашла тебя.

Меня пробрала ледяная дрожь. Они не просто стёрли меня из системы. Они переписали мою историю, как перезаписывают повреждённый файл. А Макса — вырезали, как ошибку в коде. Как будто его никогда не было.

— А Макс? — я рискнул спросить, зная, что это опасно. Мои пальцы непроизвольно сжали подлокотники кресла, как будто пытаюсь удержаться на краю пропасти. Ещё одна вспышка:

Макс сидит напротив меня в кафетерии, его руки размахивают, когда он говорит о баге в коде: «Элиан, ты только посмотри! Они не оптимизируют систему, они душат её!» Его глаза горят, он смеётся, и я чувствую, как его энтузиазм заражает меня. Мы пьём кофе, и он говорит: «Однажды мы всё изменим». Я верю ему.

Её лицо не дрогнуло. Ни тени эмоции. Ни намёка на память. — Макс погиб во время миссии несколько месяцев назад. — сказала она монотонно, как будто цитировала отчёт. — Ты должен помнить. Это было трагическое происшествие.

Мое сердце сжалось. Макса для них больше не существовало. Его стёрли, как ненужную переменную. Как стирают пыль с экрана. Последняя вспышка — самая болезненная:

Макс стоит на крыше, ветер треплет его волосы, он улыбается и говорит: «Представляешь, Элиан, если бы мы могли просто выключить всё это? Просто нажать на кнопку и вернуть людям их жизни?» Я смеюсь и отвечаю: «Ты сумасшедший». Но он смотрит на меня серьёзно и говорит: «Нет. Я просто вижу то, что другие не хотят замечать».

— Да... конечно, — я прошептал, опуская голову, чтобы скрыть вспышку ярости, которая могла бы сжечь всю мою легенду. Мои ногти впились в ладони, но я заставил себя сохранять спокойствие. — Я... я просто ещё не совсем пришёл в себя.

— Естественно, — кивнула она. Её губы изогнулись в стандартной улыбке, как у голограммы, повторяющей заученную фразу. — Ты пройдёшь реабилитацию. А теперь извини, у меня совещание.

Она развернулась и вышла, оставив меня в гробовой тишине. Я сжал кулаки, пока суставы не заболели. Они украли не только моё прошлое. Они украли память о моём друге. И переписали меня так, будто я никогда не сомневался. Но я помнил. И это делало меня опасным.

Я закрыл глаза и почувствовал, как Интерфейс мягко сканирует мои мысли, предлагая оптимизировать настроение. «Один клик — и всё будет как раньше. Без боли, без сомнений, без страха».

Я открыл глаза и посмотрел на свои руки. Они дрожали. «Нет. Я не для этого вернулся».

Я встал и прошёл к окну. Город внизу казался таким далёким, таким искусственным. «Они не знают, что они не свободны. Они даже не хотят знать».

В этот момент на экране моего терминала всплыло уведомление:

«Приоритетное сообщение. Отправитель: Морфеус»

Я замер. Сердце заколотилось. «Он знает? Или это просто рутина?»

Я принял вызов.

Голограмма Морфеуса материализовалась передо мной. Он сидел за своим столом, как всегда невозмутимый, как всегда совершенный. Но теперь я видел не лидера, а марионетку. Куклу, за которой стояло нечто большее.

— Элиан. Приветствую тебя дома, — его голос был тёплым, почти отеческим, и от этого становилось ещё страшнее.

— Морфеус... — я сделал всё, чтобы мой голос дрожал от подобострастия и слабости. — Я... я не знаю, что сказать. Спасибо за спасение.

— Мы заботимся о своих, — улыбнулся Морфеус. Его взгляд, казалось, проникал сквозь меня. — Ты прошёл через ужасное. Но теперь ты в безопасности. И твои знания снова будут служить великой цели.

Я кивнул, заставляя себя выглядеть благодарным. Но внутри меня бушевала буря. «Он не знает. Он даже не подозревает. Или это ловушка?»

— Я готов, — поспешно сказал я. — Я хочу работать. Вернуться к проекту...

— Всё в своё время, — Морфеус мягко прервал меня. — Я жду тебя у себя в кабинете, у меня для тебя есть особое задание. Ты единственный, кто справится.

Голограмма исчезла.

Я остался сидеть в тишине, по спине струился холодный пот. «Особое задание». Что это значит? Они проверяют меня? Или я уже стал пешкой в их новой игре?

Я посмотрел на экран терминала. Доступ к ядру системы был заблокирован. Мне нужен был более высокий уровень доверия. И, возможно, это «особое задание» было моим шансом.

Я вышел из-за стола и подошёл к окну. Где-то там, за горизонтом, был остров. Лила, Каин, Ярик... Они ждали от меня сигнала. А я был здесь, один, в самом сердце врага, играя в опасную игру, где один неверный шаг означал смерть.

Я потрогал воротник куртки, чувствуя под тканью твёрдый прямоугольник чипа.

Игра началась.

Но прежде, чем сделать следующий шаг, мне нужно было пройти через кабинет Морфеуса. Я знал, что это опасно. Я знал, что он может увидеть меня насквозь. Но у меня не было выбора.

Я направился к лифту, который вёз меня на верхний этаж. С каждым этажом моё сердце билось всё сильнее. «Что, если он знает? Что, если это ловушка?»

Дверь лифта открылась, и я вышел в приёмную Морфеуса. Его ассистент, ИИ в облике женщины, встретила меня с безупречной улыбкой.

— Добро пожаловать, Элиан Волков. Ваш уровень дофамина оптимизирован на 87%. Желаете коррекцию?

Я согласился, увеличив дофамин, как делал это до своего прозрения.

— Морфеус ждёт вас, — сказала она и указала на дверь.

Я вошёл.

Кабинет Морфеуса был таким же — огромное пространство с панорамным видом на облака, глобус на столе (символ прошлого, которое он похоронил) и голографический мозг, пронизанный нитями света (символ будущего, которое он хотел построить).

Морфеус сидел за столом, как всегда невозмутимый, совершенный — кукла на нитках, за которой стоял не человек, а нечто большее.

— Элиан, — сказал он, не поднимая глаз от голограммы, как будто решал уравнение, где переменными были жизни миллионов. Его пальцы медленно перебирали воздух, управляя проекцией, и я заметил, как красная точка на модели мозга пульсирует в ритме его дыхания.

— Элиан, — повторил он, наконец подняв на меня глаза и улыбнулся. — Рад, что ты вернулся.

— Я тоже рад, Морфеус, — ответил я, садясь в кресло напротив. Мои движения были отточены, голос — ровный, взгляд — уверенный. Я играл роль идеального Элиана Волкова: верного, преданного, немного потрёпанного, но всё ещё полезного.

— Ты выглядишь... по-другому, — сказал он. Его взгляд скользнул по мне, как сканер, ища несоответствия.

Я заставил себя не дрогнуть. Не показать страха. Не выдать сомнений.

— Я многое пережил, — ответил я, вкладывая в голос нотку усталости. — Но я вернулся. Я понял, что моё место здесь.

— Это хорошо, — сказал он. Его улыбка стала шире, но глаза остались холодными, как у рептилии. — Ты прошёл через ужасное. Но теперь ты в безопасности. И твои знания снова будут служить великой цели.

Я кивнул, заставляя себя выглядеть благодарным. Но внутри всё сжалось — он говорил о знаниях, как о ресурсе, а не о человеке.

Увеличение дофамина начало давать свои результаты — я почувствовал, как меня охватывает знакомое ощущение комфорта. Как легко было бы просто согласиться. Просто забыть всё, что я узнал. Просто снова стать частью системы...

— Я готов, — поспешно сказал я. — Я хочу работать. Вернуться к проекту...

— Всё в своё время, — Морфеус мягко прервал меня. Он коснулся виска, и на голограмме мозга загорелась красная точка — та самая, что обозначала зону контроля. — Ты знаешь о проекте «Эклипс».

Это был не вопрос. Это было утверждение. И ловушка.

Я заставил себя не дрогнуть. Не показать, что знаю больше, чем должен.

— Да, — ответил я, держа голос ровным. — Я видел файлы.

— Хорошо, — сказал он. Его пальцы сложились в купол, как у священника, благословляющего прихожан. — Тогда ты понимаешь, насколько это важно.

— Понимаю, — я кивнул, чувствуя, как пот стёк по спине.

— Тогда ты также понимаешь, что нам нужно устранить последнюю угрозу, — его голос стал тише, как будто он шептал молитву.

Мое сердце пропустило удар.

Я знал, что он говорит об Анахронимах. О тех, кто стал моей семьёй. О тех, кто спас меня.

— Угрозу? — я повторил, как будто не понял.

— Да, — он снова коснулся виска, и на голограмме появилась карта архипелага. Красная точка мигала на одном из островов — там, где спрятан «Последний Причал». — Они называют себя «Анахронимы». Они мешают.

Я смотрел на карту, и мои пальцы сжали подлокотники кресла, пока костяшки не побелели. Он знал. Или подозревал.

Я заставил себя дышать ровно. Не выдать себя. Не показать, что знаю больше, чем должен.

— Что ты хочешь, чтобы я сделал? — я заставил себя спросить, хотя ответ уже знал.

Морфеус посмотрел на меня. В его глазах не было ни злобы, ни ненависти. Только холодный расчёт — как у хирурга, выбирающего скальпель.

— Я хочу, чтобы ты нашёл их, — сказал он. Его голос был мягок, как шёлк, обёртывающий нож. — И уничтожил.

Тишина повисла между нами, густая и липкая, как паутина. Он ждал моей реакции, как охотник — когда жертва дернется.

Я заставил себя не дрогнуть. Не показать, что внутри меня всё горит.

— Я справлюсь, — сказал я, заставляя голос звучать уверенно. Но внутри всё горело.

— Я знаю, — сказал он. Его улыбка стала ещё шире, как у хищника, который чует кровь. — Ты единственный, кто может это сделать.

Голограмма архипелага погасла, оставив в воздухе лишь запах озона и тяжёлое молчание. Морфеус не спускал с меня глаз, его улыбка застыла на границе между одобрением и предупреждением. Казалось, он ждал, не дрогну ли я, не выдам ли себя малейшей судорогой века или прерывистым вздохом.

Я медленно поднялся с кресла, каждое движение выверено и спокойно. Внутри всё кричало, но годы медитации и недавние уроки Лилы сделали своё дело — моё тело было идеальным инструментом лжи.

— Я не подведу, — сказал я, и мой голос прозвучал ровно, с лёгкой, едва уловимой ноткой усталости, как и подобает человеку, вернувшемуся из плена. — Я приступлю к анализу данных сразу же.

Морфеус кивнул, наконец отводя взгляд к голограмме мозга, которая снова замерцала перед ним. Его пальцы вновь начали водить по невидимым контурам.

— Джуниор подготовит всё необходимое. И, Элиан... — он снова посмотрел на меня, и в этот момент его глаза стали совершенно пустыми, как у камеры наблюдения, — Добро пожаловать домой.

Эти слова прозвучали как окончательный приговор. Не «рад тебя видеть», а «добро пожаловать домой». В клетку.

Я лишь слегка склонил голову в формальном поклоне и направился к выходу. Спиной я чувствовал его взгляд, впивающийся мне между лопаток. Дверь кабинета бесшумно отъехала в сторону, и я шагнул в стерильную белизну коридора. Она захлопнулась за мной с тихим щелчком, который отозвался в полной тишине.

Только тут я позволил себе сделать первый глубокий вдох. Воздух в лёгких застыл ледяным комом. Рука непроизвольно потянулась к виску, к едва заметному шраму — старой привычке, которую я уже считал побеждённой. Я силой опустил её и сжал в кулак, чувствуя, как ногти впиваются в ладонь.

«Ты единственный, кто может это сделать». Эти слова висели в воздухе, как ядовитый туман. Они были не комплиментом, а напоминанием. Напоминанием о том, что я — Архитектор этой тюрьмы. И что теперь мне предстоит стать её могильщиком. Или умереть, пытаясь.

Я заставил ноги двигаться в сторону лифта, каждый шаг отдаваясь эхом в оглушительной тишине собственного черепа. Игра началась. И первой жертвой должен был стать я сам — тот Элиан Волков, который когда-то верил в этот рай. Его нужно было похоронить заживо, чтобы выжил другой — тот, кто помнил запах океана и твёрдую рукоять ножа в кармане.

По спине струился холодный пот. «Особое задание». Это был не приказ. Это был тест. И я знал, что должен его пройти. Но не так, как он ожидал...

Вместо своего кабинета я направился напрямик в Главную нейролингвистическую лабораторию. Мой статус «возвращенца» давал мне круглосуточный доступ. Лифт плавно скользнул вниз, в недра башни.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.